

18+

Сафик (Елена Сафина)

Ты мне веришь?

Сафик (Елена Сафина) Ты мне веришь?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70709545

ISBN 9785006295612

Аннотация

Это рассказы о нашей Человеческой Жизни, о нас с вами. Они обо всём на свете: о любви, о дружбе, о детстве, о школе, о воспитании, о соседях, о любимых домашних питомцах, об инопланетянах и даже... о реальных ангелах. Не верите? А вы почитайте! Не бойтесь: рассказы лёгкие, жизнеутверждающие, искренние, душевные, горячие... Как и сама Сафик, которая очень любит Жизнь во всех её невыносимо прекрасных проявлениях.

Содержание

Аннотация	5
Ты мне веришь?	6
Переводчик	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ты мне веришь?

Сафик (Елена Сафина)

© Сафик (Елена Сафина), 2024

ISBN 978-5-0062-9561-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сафик (Елена Сафина)

Ты мне веришь?

Аннотация

Это рассказы о нашей Человеческой Жизни, о нас с вами.

Они обо всём на свете: о любви, о дружбе, о детстве, о школе, о воспитании, о соседях, о любимых домашних питомцах, об инопланетянах и даже... о реальных ангелах. Не верите? А вы почитайте! Не бойтесь: рассказы лёгкие, жизнеутверждающие, искренние, душевные, горячие... Как и сама Сафик, которая очень любит Жизнь во всех её невыносимо прекрасных проявлениях.

Имена вымышлены, совпадения случайны.

Ты мне веришь?

Сколько лет назад это было? Столько не живут – смеется тридцатилетний сын. « Живут, милый, еще как живут, будто проживая несколько жизней. Каждые 10 лет – новая жизнь».

Неизвестно как у других, но у Алины точно так.

1979 год. Свердловск. Тихая уютная улочка Хохрякова – центр мироздания для мальчика с девочкой, выходящих из школы №5.

Саша Лобачёв, друг детства, верный паж, размахивающий двумя их тяжелыми портфелями, невысокий худенький мальчишка, странно сочетающем в себе озорство с серьезностью.

Алёна (так ее звали до 10 лет) даже не повернулась посмотреть, с кем ее посадили 1 сентября 1977 года за парту в первом классе « В ». Вот еще посмотреть! Все мальчишки одинаковые, неинтересно ей, лишь бы не мешал. Только скосила огромные зеленые глаза, нахмурил бровки, сразу показывая соседу, что она – девочка серьезная, не надо никаких глупостей.

Сашка не подвел, повел себя не так как другие мальчишки: молчал, не вертелся, не лез с вопросами, не пытался списать, отличаясь от сверстников необычной внутренней серьезностью, которую Алёна несла в себе с рождения, чувствуя в других. На этом и сошлись.

Память размывает конкретное – что происходило больше четырех десятилетий назад, но то, что осталось – порой не фактов, а ощущений, – остается до конца, греет.

На уроках же нельзя отвлекаться, разговаривать, – железное право советской педагогики – железно соблюдали школьники от мала до велика. По крайней мере, в первой математической школе, в самом центре столицы Урала.

А вот после уроков можно и нужно выговориться.

Всё что четко помнится ей: они с Сашкой куда-то постоянно идут и говорят, говорят, о чем – то важном, очень важном. О чем могли тогда говорить ученики началки? Алена точно помнила: не об уроках, не о новостях, не о школьных страшилках. О Жизни. О родителях и их проблемах. (у Саши отца не было). О космосе. О звездах. О будущих профессиях. Спорили горячо: если бы их видели в тот момент взрослые, то очень бы удивились, как у спокойных детей могут загораться глаза, взмахивать челки, руки, повышаться обычно тихие голоса.

Любимой фразой мальчишки была: « Алёнка, ты мне веришь?!» Девочка кивала головой, иногда прибавляя « Конечно». Она и правду верила, потому что сама никогда не врала, не придумывала.

– Вот! А Васька говорит, что сочиняю! Мама не верит... – вздыхал мальчик.

Особенно запомнилась Алёнке одна история. Без фантастики не обошлось. Надо сказать, что в то время о ней мало

что было известно. Тема новая, страшно увлекательная, зовущая за пределы школьного двора. От переизбытка чувств они тогда даже перешли на бег в тот зимний сумеречный вечер после второй смены.

– К нам дядя Паша, мамин брат приехал, с Дальнего Востока, -знаешь где это? – чуть запыхавшись начал Сашка.

– Не знаю, наверно, далеко, вон в той стороне – махнула варежкой в сумерки девочка.

– Тоже так думаю. Так вот: дядя нам о жизни там рассказывал, до ночи не спали! Представляешь, он видел их! и... напл... забыл слово, в общем людей из космоса!

– Ина-пла-не-тяне – по слогам медленно подсказала Алёна – мне папа про них тоже говорил. – Здорово! Где видел?

– Так дядя с друзьями на рыбалку пошли с ночевой на три дня, палатку разбили, костер жгли, рыбу ловили, а ночью пели песни на гитаре – дядя, знаешь, как хорошо поёт! – айда к нам сегодня, послушаешь?

– Не отпустят: уроков много на завтра да и с сестрой – лялькой надо маме помочь. Давай остановимся, зайдем за пирожками, чай попьем в тепле, а ты дорасскажешь? – закутавшись в шаль носом, спросила верная подружка.

Забегали в любимый хлебный на углу Ленина, – большой, стеклянный, слева – буханки рядками, всевозможные торты, пирожные, на которые можно бесконечно любоваться, справа – кафетерий, где можно всегда купить свежий коричневый румяный пирожок с таким же по цвету повидлом,

обжигающий руку стеклянный стакан крепкого чая, донести до огромного во всю стену окна, сесть на низкий подоконник, кушать, греться, болтать или просто молча сидеть, думать...

– Так вот, Алёнка, – горячо зашептал в ухо Сашка, едва они разместились в самом дальнем углу магазина. – Сидят они, поют, темно, весело. Вдруг как будто небо враз за сверкало, заискрилось, посветлело, загудело... Обрушилось на них враз!

– Как обрушилось?! – огромные глаза девочки замерцали в полутемном помещении зеленоватым светом. Саша с Васькой да подруга Света – самые ее закадычные школьные друзья знали об особенностях алёнкиных глаз излучать свет, когда той было либо интересно либо страшно либо страшно интересно.

– Ну нет, не бойся: все целы. Небо как будто обрушилось, накрыло их синей пеленой, загудело, запело разными головами.

– Как мы на пении поём?

– Да. Только громче. Дядя Паша сказал, что все слышали музыку, такую важную, великую, типа гимна нашей страны, только более красивую... и будто он и другие дядьки ничего не видели, будто не стало у них зрения, только слух... А потом музыка остановилась... И глухой громкий голос важно сказал: «Люди, вы, Ваша Земля, Ваша Музыка, ваши помыслы прекрасны! Мы – с другой Планеты, она далеко-далеко,

пролетали мимо, слышали вас, решили приземлиться, сделать остановку. Сейчас у нас нет времени, но скоро мы прилетим вновь, чтобы познакомиться с вами.»

Девочка слушала, не перебивая, забыв о надкусанном пирожке.

Сашка тоже замолк, замер, уставившись в темное, изрисованное зимними узорами стекло.

– Саш..а Саш... а что дальше – то?

– Дальше? Ничего. Опять – поляна, костер, друзья... Небо почернело, но далеко вверху – огромный светящийся, медленно удаляющийся шар. Нет, не так! Тарелка! Белая тарелка, вся как будто в мигающих гирляндах.

Алёна тоже уставилась за стекло, наморщив лобик, стараясь представить шар-тарелку. Можно было, конечно, не стараться, потому что ее отличало еще одно досадное свойство воображения, сопровождавшее по жизни, а вернее полное отсутствие такового.

То, что она не видела своими глазищами здесь, сейчас, то представить, понять тоже не могла. Совсем нет фантазии, – хоть тресни! За это на рисовании получала тройки. Ну не видит она перед собой море – как же его изобразить?!

– А какие они на вид? – так и не представив загадочную «тарелку», спросила Алёна.

– Так никто ж не видел, только слышали, – Сашка взялся энергично жевать пирожок, но тут же бросил его.

– Ты веришь Дяде Паше и... мне?

– Конечно! А зачем ему врать? Взрослые никогда не врут, не придумывают – уверенно закивала головой умница. Вот именно эти свои слова она потом будет вспоминать достаточно часто, грустно усмехаясь той далекой наивной девочке...

Вскоре она услышит удивительную песню из кинофильма «Большое космическое путешествие», на два голоса: « Ты мне веришь или нет?» Это же про нас, Сашенька, – захотелось восторженно зашептать ему (кричать не умела), но его, самого верного друга, уже не будет рядом: ни в ту минуту, ни потом, никогда...

Только большие зеленые глаза будут подозрительно влажно блистать, вспоминая: « Алёнка, ты мне веришь?»...

Верю, Саша, верю.

Никому больше.

Только тебе.

Переводчик

Лиля, прожив большую часть жизни, никогда не знала свободы. Да и как ей было ее узнать? Ясли с года, садик, школа, институт – всё под всевидящем оком строгой, дисциплинированной мамы и диктатора-отца. Родители ее были родом из далёкой татарской деревни, в которой даже в советское время никто не отменял патриархата предков-мусульман.

Они хоть и переехали в столицу Урала в юности, поступив в техникумы, обрусели, отзывались на русские имена вместо сложных татарских, но в семье соблюдали незыблемые вековые традиции в вопросах воспитания детей. Девочка должна расти под властной опекой родителей, быть тихой, примерной, послушной, молчаливой, не роптать, не жаловаться, помогать родителям во всём. Глаза в пол, юбка ниже колен, ладно хоть без платка на голове. Подросла – свидания с мальчиками только днём, дотемна не гулять. Пейджеров и сотовых тогда не было, опоздай хоть на пять минут – и по улице уже бегают взбешённый отец, а дома мать пьёт корвалол и обзванивает скорые. Свои 22 года жизни Лилия, в отличии от своих сверстниц, прожила в отчужденной зоне – в сытой, комфортной, безопасной атмосфере. Но без свободы.

Из родительской тюрьмы Лиле хотелось бежать, но куда? Конечно, замуж, тем более что подружки вокруг уже справ-

ляли свадьбы, рожали детей. Как найти жениха? Если кто и проявлял к ней внимание, то были либо старше, либо ей не нравились.

Подруга Света познакомила ее со своим соседом Иваном, недавно вернувшимся из армии. Не красавец, не урод, добрый, хороший, покладистый, простоватый парень. Без высшего, правда, но уж нет времени искать идеал.

1991 г. – путч, 1992 г. – развал прошлой жизни, паника, суматоха, страх не успеть стать взрослыми.

Двадцатилетние мальчики и девочки о себе-то толком ничего не знали, не то, что о чувствах или сексе. Что делать друг с другом, как предохраняться, если нет в открытом доступе средств контрацепции? Ничего нет. Пусто на полках, пусто в аптеках, пусто в карманах и в головах....

Есть только глупая молодость, голод молодых тел, желание успеть стать взрослыми. Вдруг помешают, запретят?...

После полутора лет хождений по случайным квартирам, подъездам и дачам предохранение естественным путем дало сбой, и Лиля с ужасом осознала, что забеременела. Ладно, хоть институт успела закончить.

Делать нечего, поженились в жутко холодном декабре. Так то безумное время и запомнилось: мрак, холод, тоска, чувство сотворения огромной ошибки, капкан. Из огня да в полымя...

Выйти замуж без любви можно, но как жить без неё много лет?

Можно. Человек ко всему привыкает. Из бедности 90-х с трудом прорвались в относительно сытые и спокойные 2000-е. Лилия продиралась по топкому болоту жизни будто в огромных тяжёлых, с налипшей грязью сапожищах. Каждый шаг давался с трудом. Сын висел на ней с пелёнок до института – муж не помогал. Да, не пил, не бил, не гулял, свободное время проводил в телевизоре, не баловал. Эти бесконечные «не» воспринимались в обществе как положительные качества.

Неудивительно, что в 40 «с хвостиком» женщина влюбилась без памяти в наглого обаятельного мужчину. Обычная история: с его стороны страсть, с её – вырвавшаяся наружу сокрушительная сила нежности, любви, огня. «Звёзды ей дарил и города, и уехал, и не попрощался, и не возвратится больше никогда». Не совсем так, как оказалось...

Лиля упала в бездну, прежняя жизнь разлетелась на куски. Выжила с трудом, но поднялась. 46 кг зияющей открытой раны, не собирающейся заживать.

Ее больше не было – осталась лишь оболочка, клон, который можно предъявлять миру как довольно похожую копию.

Мужа выносить рядом она не могла – отправила на вторую квартиру. На работе надевала маску суровой отстранённости: не подходите не по делу, не говорите лишнего.

Не верила, что Любовь умерла вместе с ней, ждала.

Как жить дальше, подскажите, переведите?... В ответ молчание. Пустота...

Но она дождалась вопреки.

Любимый возвращался на короткое время – служба не отпускала. Он не решался на официальный брак, боялся после первого неудачного. Так и жили «на два фронта», не загадывая наперед.

Извечный вопрос «Что делать?» – извечно без ответа.

Впереди уже маячил Юбилей – как занесённый меч старости, как приговор.

Значит, пойдем другим путём: тусовки, вечеринки, алкоголь, безудержный секс. Вот она какая, свобода! Сама себе командир, сама и исполнитель. Делай что хочешь: к черту мораль, запреты, условности. Открыть двери тюрьмы, отменить пожизненное женское рабство! Раз мужикам можно увлекаться, строить отношения, как им удобно, так почему бы не взять с них пример, и поступать также?

В квартире охотно гостили как молодые, так и люди постарше.

Лилечка не могла вспомнить, откуда возник Никишин: этакий забавный Карлосончик с повадками и жаргоном зека. Самым примечательным была его манера говорить: Игорь Робертович, как сам любил представляться, гундосил, шепелявил, а когда напивался – бубнил под нос нечто невразумительное, глотая слова, включал еврейскую музыку, пел, плакал, обнимался, засыпал быстро в неподходящих местах.

Невысокий, грузный, темноволосый мужчина. В меру агрессивный, не в меру эмоциональный. Лиля не восприни-

мала его серьезно, хотя замечала, что человек интересный, тянется к высокому, юмор необычный, душа нараспашку, что редкость. Она и не заметила, как малознакомый человек стал её другом.

Конечно, она всегда нравилась представителям сильного пола, и «И. Р» не стал исключением. Лилечке все равно: ещё один плюстик в копилке поклонников. Она поняла, что после Того не захочет никого, ни один ферзь не заменит короля. Игорёк восхищался, говорил комплименты, называл Королевой, она его – верным десницей – оба исключительно в шутку и из любви к сериалу» Игра престолов». Дальше границы игры не переходили: дружба – это святое!

Ради здоровья и исполнения секс-фантазий, на которые – дура-дурой – не решилась с любимым, выбрала из толпы охочих до ее красоты одного, самого лучшего самца, спала исключительно с ним, других не подпускала ни к телу, ни к душе.

Однажды, в феврале, Никишин с Татьяной завалились к Лиле в гости. Какой повод? Да никакого! Просто суббота! Просто холодно! Хочется красного вина, тепла, шуток, музыки, общения. К тому же Игоречек щедрый, накормит, напоит девочек, повеселит. Без мужчин скучно, как ни крути, будь ты отчаявшаяся влюбленная сумасшедшая или обычная разведёнка.

Гости ввалились шумно, с коробками пиццы и пакетом брякающих бутылок. Робертович вальяжно развалил-

ся на кухонном диванчике, курил, включил громко музыку, девчонки быстренько организовали стол.

– Лялечка, прости, что мы вот так, без предупреждения! Оторвали тебя от дел, но ты же знаешь Никишина?! Хочу, говорит, праздника!

– Да ладно, в первый раз что-ли! Хоть повеселите меня.

– Почему шепчетесь, милые? У нас что, кто-то спит? – вклинился толстым животиком между девчонками Игорь.

– Егор, сын, в комнате от нас закрылся, к сессии готовится, так что давайте будем хотя бы создавать видимость порядка и тишины! Он хоть и слова против матери не скажет, так мне самой неловко, пока не выпила.

– Так в чем же дело? Давайте выпьем и начнем «соблюдать тишину», – засмеялась Таня.

Веселье набирало обороты. С кухни перетекли в зал, потом на лоджию, на цыпочках бегали по коридору мимо второй комнаты, поднося палец ко рту и прыскавая от смеха.

– А что у тебя сынок не выходит? Покушать, с нами, поздороваться? – загундосил Никишин.

– Ох, Игорь, порой мне кажется, что сын еле терпит безумства, гулянки, вот-вот сорвется!

– И что?! Что он сделает? Уйдет на съёмную или тебя выгонит?

– Молодой еще, многое из моей жизни не понимает, я ж незаурядная мать, не такая, как другие.

– Эх, как же все дисгармонично?! Только не плачь, подру-

га! – Тата провела рукой по белоснежным волосам Ляльки. – Сын у тебя хороший, всё правильно понимает.

Пили, пели, Лёля с Таней танцевали, Игорь опрокидывал в себя бокал за бокалом, все чаще заваливался на топчан, снимал девушек на камеру. В разгар веселья и не услышали, как в кухню зашёл затворник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.